Не знаю, есть ли такая привычка - просыпаться за несколько минут до звонка будильника - у вас, а у меня она присутствует. Причём не помню, когда она во мне укоренилась. Но чётко помню, что, будучи ещё студентом, ставил в «общаге» огромный механический будильник в таз для стирки белья, чтобы проснуться в нужное время наверняка. Но всё равно просыпал. А просыпался только потому, что друзья-студенты (а нас в комнате было семеро) поливали меня водой из графина и отпускали совсем уж недружественные высказывания в мой адрес по поводу этого грохота, который будил их в столь ранний час. Так вот, эта привычка пришла не сразу, а с годами. Основой её считаю службу в Советской Армии. И вот что интересно: время утреннего подъёма может меняться, а «внутренние часы» всё равно его предугадывают. Вот и сегодня сработал внутренний «щелчок», и мои глаза уже открыты. Дотягиваюсь до будильника и выключаю его, не хочу, чтобы он разбудил моих домочадцев. По старой, привитой десятилетиями привычке, бегу к колодцу, на ходу прокручивая в ещё не совсем прояснившейся от сна голове все эти мысли…

Ведро холодной воды, опрокинутой на себя любимого, мгновенно сбрасывает остатки сна, и я готов выполнять «любые поставленные задачи». А задача у меня в этот июльский и только-только зарождающийся день одна: в составе нашей казачьей дружины выехать в станицу Вёшенскую для обеспечения дежурства во время мероприятий, связанных с Общероссийским совещанием комиссии по вопросам казачества при Президенте России и соревнованием молодёжных казачьих обществ Урала, Кубани, Дона, Калмыкии, Волгоградской и Астраханской областей.

Чтобы не разбудить жену, стараюсь не шуметь на кухне, ставлю чайник на газовую плитку, достаю термос, готовлю бутерброды. Пока чайник не закипел, облачаюсь в « парадку». Командир дружины, он же юртовой атаман подъесаул Попов Геннадий Георгиевич заранее предупредил, чтобы все были в белых рубашках и парадных брюках с лампасами. Пять минут - и термос с кофе уже готов, и я с готовым «тормозком», жуя на ходу бутерброд, быстрым шагом иду в центр, где меня всегда подбирал микроавтобус с дружинниками, едущими из райцентра.

Путь мой пролегает возле красавца Троицко-Покровского храма, куполов которого только-только коснулись лучи восходящего солнца. «Успеваю!» - Думаю я, но на всякий случай прибавляю шаг…

Салон автобуса встретил меня гомоном говорящих одновременно казаков, лёгким запахом ещё не выветрившегося бензина. «Очевидно, только что заправились», - мелькнула мысль. Громко здороваюсь: «Здорово ли ночевали, братья - казаки?!». Дружный ответ: «Слава Богу!», - не заставил себя долго ждать. И вот уже пора осваиваться в новой обстановке. Хотя она для меня до мелочей привычна в таких поездках. На передних сиденьях «Газельки» обычные завсегдатаи - картёжники: юртовой атаман Попов Геннадий Георгиевич, старейшина юрта Юрасов Александр Павлович, Лозовский атаман Коновалов Владимир и Сетраковский - Абакумов Александр - которые яростно режутся в карты. Остальные либо болтают

о своём насущном, либо поддерживают играющих в «дурака», либо мирно подрёмывают – встали-то рано!

Общая тема разговора возникла лишь однажды. Это когда от Алексеево – Лозовского перекрёстка на трассе М-4 «Дон» повернули в сторону Миллерово. «А что это, братцы, в Вёшки через Миллерово едем? Там и дорога похуже и расстояние больше, чем через Казанку!», - сыпалось со всех сторон. Успокоил всех командир дружины Попов: «Да, мы понимаем, что так ближе, но нам ещё на Павловском перекрёстке забрать наших казаков - дружинников надо. Они там нас уже ждут». Успокоились казаки и до самого «танка», что стоит памятником о Великой Отечественной войне на пересечении Вёшенской и Боковской трассы, все занимались тем, чем занимаются в дальних поездках пассажиры автобусов.

(На фото казачья дружина Чертковского района).

Общий интерес и общий разговор захватил всех только тогда, когда выскочили на границу Боковского и Шолоховского районов. Здесь, на стыке двух муниципальных образований, у самой трассы «Миллерово–Вёшенская» стоит памятник - статуя конного казака, зорко всматривающегося в донскую степь и будто боящегося пропустить что-то главное и важное.

«А что, братцы? Кто скажет, в честь какого такого события установлен сей памятник? И почему казак на коне смотрит именно туда, отткуда мы едем – в сторону Миллерово?», - задаю казакам каверзный вопрос. «Ну, Алексеевич, ты даёшь! Да это вёшенцы установили его в память о восстании у нас на Верхнем Дону», - тут же среагировал на вопрос сотник Громаков Владимир. Да оно и понятно, «Гром» окончил исторический факультет Ростовского пединститута. Ему ли не знать. «Ну, а почему он смотрит всё-таки на юг, в сторону Миллерово?», - не унимаюсь я и замечаю, что картина в салоне микроавтобуса меняется на глазах. Картёжники побросали карты, кто подрёмывал, и те с интересом уже смотрят на меня: «Да, а почему? Расскажи.»

«Да тут, братья, чтобы яснее стало, одной фразой за восстание не обойдёшься, придётся начать издалека», - держу паузу. « Да мы особенно никуда и не торопимся, послушаем. А то ведь многое, вроде бы, знаем, живём здесь, «Тихий Дон» Шолохова у каждого настольная книга, да и сериальные телеверсии не раз просмотрели. У себя в Сетраках даже Круг провели по подготовке к 100-летней годовщине восстания. Договорились

поклонный крест и мемориальную доску погибшим казакам обновить. Всё, казалось, обговорено, всё знаем, а тут, видишь ли, ещё остаются неясности. Так расскажи, Алексеевич, чего мы не знаем?», - зашумели мои попутчики-односумы. «Ну, коли так, слушайте. Когда сам до этих вещей докапывался в Интернете, по музеям, в разговорах с очевидцами, самому интересно было», - говорю, усаживаясь поудобнее на сиденье.

- В начале перенесёмся с вами в события 1917 года. Тогда ни Интернета, ни мобильной связи, ни телевидения и прочих благ нашей современной цивилизации, ясное дело, и в помине не было. Поэтому факт общеизвестный, что сведения о революции в России в хутора и станицы Верхнего Дона принесли казаки-фронтовики, бросившие фронт, и по одиночке, а то и целыми сотнями и взводами добравшиеся домой. У всех имелись шашки, большинство было с винтовками, иногда с пулемётами. Известие о свержении монарха стало потрясением для казаков Области Войска Донского. Они не представляли себе Россию без царя. Образованная часть казаков относилась к этим событиям с тревогой. Беднейшая часть казачества откровенно радовалась, а революционно настроенная их часть была в восторге.

Атаман Области Войска Донского А.М. Каледин был в отчаянии от нежелания казаков, которым надоела действительная служба и четыре года германской войны, встать на защиту границ Всевеликого Войска Донского от революционных частей. Типичное явление Гражданской войны – её невероятный динамизм. Только начало «устаканиваться» Советское правительство в Москве и в Питере, а уже мчатся на юг поезда с солдатами. И там, где останавливался паровоз и солдаты сходили с поезда, там мгновенно, за считанные дни возникал фронт. Тоже очень подвижный и текучий. Причём коммунистов-то было и не так много – около 10 тысяч. И отбить их и не пустить за пределы Области Войска Донского нетрудно, если бы не раскол самих казаков. Войсковое правительство распадалось в начале 1918 года на глазах: одни были за Советы, другие - против.

В итоге «тихой сапой» хутора и станицы Верхнего Дона оказываются под властью Советов.

Атаман Каледин сумел собрать в добровольческие партизанские отряды по защите Дона только 250 офицеров, юнкеров и гимназистов под командованием легендарного есаула, получившего чин казачьего полковника за две недели до гибели, - Василия Чернецова. Одно имя «Чернеца» вызывало в красноармейском стане суеверный ужас. Ещё бы, командуя полуторасотней безусых мальчишек из гимназий, студентов – семинаристов, учащихся атаманского технического училища и кадетских корпусов Новочеркасска, 27-летний обладатель именного оружия и Георгиевский кавалер за целую армию сдерживал 10-тысячную красную гвардию и по сути дела в течение трёх месяцев до его коварного убийства Подтёлковым, защищал Дон. До января 1918 года это были единственные силы атамана Каледина и Донского правительства. Да в то лихое время у донского казачества было прошлое – старики плакали, совестили вернувшихся с фронта сыновей, умоляли защитить Тихий Дон и веру православную; было будущее – внуки этих стариков хватали винтовки выше их ростом и бежали в отряд к Чернецову. А настоящее - казаки-фронтовики - сидели по домам. Да, остались лихие чубы, парусили широкие шаровары с лампасами, а

настоящего казачества не было.

Командир донского казачьего партизанского отряда полковник Чернецов Василий Михайлович.

Узнав об убийстве Чернецова, Каледин на заседании Донского правительства сказал буквально следующее: «Положение наше безнадёжно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки. Свои полномочия войскового Атамана я с себя слагаю».

Его стали уговаривать. «Кончайте болтать! - Крикнул Каледин - От болтовни Россия погибла!».

Он вышел в соседнюю комнату, снял Георгиевский крест, лёг на кушетку и выстрелил себе в сердце.

- Да, братья – казаки» , - охватив взглядом, односумов, притихших и жадно слушающих, продолжаю:

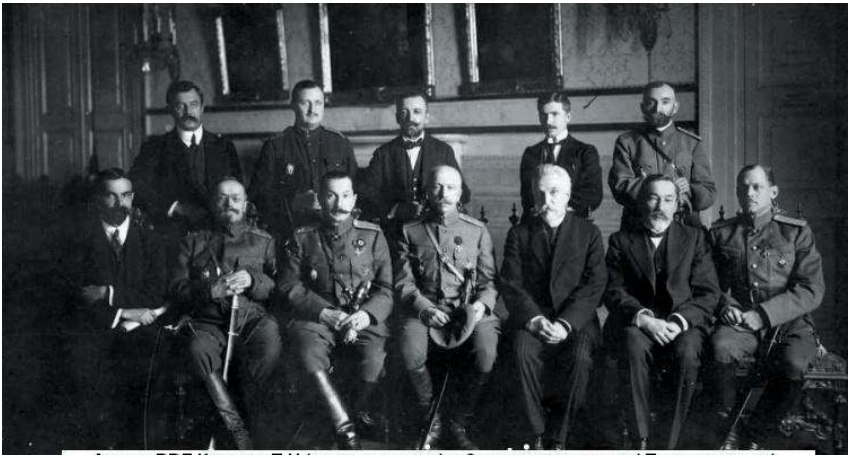
- Самоубийство атамана - лишнее доказательство того, что Господь всегда противится тем, кто наложил на себя руки. Как бы плохо ни было, какая бы безнадёжность ни рвала душу, нам не дано знать грядущего. Атаман Каледин не дожил буквально трёх месяцев до такого взлёта Белого движения, о котором и мечтать не мог.

Дело в том, что ещё при жизни Каледин пригласил к себе на Дон всех членов Временного правительства и Предпарламента. Так же в Область Войска Донского из обеих столиц и центральной части России устремляется множество тех, кто недоволен большевиками. От юнкеров, студентов и гимназистов до кадета Милюкова и генералов Л.Ф.Корнилова и А.И. Деникина. Здесь, на Дону, Лавр Фёдорович Корнилов объявляет набор в так называемую Добровольческую Армию. В январе 1918 года в ней было около трёх тысяч человек, и это количество набралось с невероятным трудом. Добровольцам не хватало денег, оружия, шинелей, даже сапог.

А казаки к «добровольцам» относились в лучшем случае равнодушно: «В дела «москалей» мы не вмешиваемся». Сам Каледин сочувствует добровольцам, но для него главное - не пустить Советы в Область Войска Донского.

После самоубийства атамана Каледина добровольцы под предводительством Л.Ф. Корнилова вышли на Кубань 23-го февраля 1918 года по новому стилю. По слухам, там влияние большевиков меньше. Надеялись поднять на борьбу добровольцев из кубанского казачества и кавказцев. Это был так называемый «Ледовый поход», начало которого (23 февраля) некоторые историки трактуют как настоящий день рождения Армии.

На Дону же 16 мая 1918 года собравшийся в Новочеркасске Круг



Спасения Дона избирает генерала Краснова П.Н. войсковым Атаманом. А Всевеликое Войско Донское объявляется отдельным государством. При этом оно на своей территории возобновило действие российских законов, принятых до февраля 1917 года. Была восстановлена традиционная казачья дисциплина. Уже к зиме 1918 года в Донской армии Атамана Краснова было 1282 офицера, 31300 штыков и сабель, 780 орудий и 270 пулемётов и ещё две тысячи Молодой армии - казаков в возрасте 19-20 лет.

Казаки заявили, что продолжать начатую «москалями» войну с Германией не будут, и заключили с немцами, которые оккупировали к тому времени Украину, мир. Немцы же в ответ снабжали щедро казаков вооружением, причём с русских же оружейных складов, которые им достались на Украине.

Донская армия, как я уже говорил, с добровольцами не пошла. А в августе 1918 года двинулась на Воронеж и Царицын, полностью освободив от красных Верхний Дон и отрезав азербайджанскую нефть от центральной России.

Но нужно искренне признать, что психология рядового казачества, оказавшегося в гражданской войне, была понятна. Дойдя до родной станицы, казак говорил: «Дальше не пойдём. Вмешиваться в жизнь иногородних нет желания. Свой же курень защищать буду». Тем паче служивым казакам жалование задерживалось по полгода и выдавалось не полностью. Трофеи расхищались, обмундирования не хватало. В конце концов 18 ноября 1918 года одна из сотен 1-го Верхне -Донского полка самовольно снялась с позиций и пошла в тыл, в станицу Вёшенскую, где потребовала от своего командования выдать им новое обмундирование. В этом им было отказано. Тогда казаки самовольно покинули станицу с лозунгами: «Хватит вшей кормить! Долой золотые погоны! По домам!». «Мы отказываемся защищать Дон, если придётся, будем защищать свою станицу»,- говорили другие. Затем возмутились Мигулинский, Вёшенский и Казанский полки, которые перестали повиноваться начальникам и вступили в переговоры с противником. Большевики обещали казакам, если они прекратят вооружённую борьбу и разойдутся по домам, - мир и полную

неприкосновенность Войска Донского. Уставшие от изнурительных военных действий казаки поверили уговорам и вернулись в свои хутора и станицы. Но большевики вскоре нарушили договор. В результате продвижения Красной Армии в образовавшийся прорыв весь казачий фронт спешно отошёл на линию Донца, а Верхне - Донской округ оказался за фронтом большевиков, т.е. в их тылу. Вот с этого момента и начинается страшная страница в истории казачества, которую мы называем геноцидом.

На картине сцена массовой казни казаков во время красного террора на Дону).

За беседой не заметили, как проскочили мост через Дон у самой станицы, и при повороте направо за окнами «Газельки» замелькали знакомые строения корпусов Вёшенского санатория.

«Ой, Алексеевич, уже подъезжаем. Сейчас, очевидно, будет общее построение, а затем развод по местам несения службы. Жаль, не договорили. Так что на обратном пути ждём продолжения истории», - произносит подъесаул Попов.

А вот и площадь в центре Вёшек с её величавым храмом и набережной с памятником Григорию Мелихову и Аксинье. Автобус пристраивается к уже стоящему и ранее нас прибывшему автотранспорту, и мы шумной толпой вываливаемся наружу. На небе ни облачка, и поэтому от палящего солнца довольно жарко. И даже Дон, находящийся от площади буквально в нескольких шагах, не приносит прохлады.

Позвонив кому-то по мобильнику, атаман ушёл, приказав нам быть у автобуса и никуда не расходиться. Пока мы осматривались и здоровались со знакомыми казаками из других юртов, появился Попов, последовала команда общего построения на плацу, что напротив храма. Развод казачьих дружин по местам несения службы прошёл оперативно быстро и чётко.

Кто-то отбывал в усиление по охране правопорядка в центре станицы, где в здании администрации будет проходить совещание Комиссии при Президенте РФ по вопросам казачества. Кто-то попал следить за порядком в спортивном городке, где соревновалась по прикладным казачьим видам спорта казачья молодёжь, почитай со всей России. А нашу казачью дружину Сетраковского юрта направили в оцепление территории, на которой должна происходить реконструкция событий Великой Отечественной войны, которые происходили на Дону в 1942 году.

Ехать нужно было до станицы Еланской. Здесь, в песках с редкими зарослями лозы и краснотала, была построена бутафорская станица, предназначенная для съёмок режиссёром Урсуляком телевизионного многосерийного художественного фильма «Тихий Дон» по одноимённому роману М.Шолохова. Это место было выбрано в голых песках и вдали от самой станицы Вёшенской сознательно. Дело в том, что по ходу этого «спектакля», называемого реконструкцией, «фашисты» должны наступать не только силами пехоты, но и при поддержке настоящей бронетехники времён Великой Отечественной войны. А затем Красная Армия и конные казаки, должны были отбить занятый немцами хутор. Соль в том, что всё это действо должно сопровождаться стрельбой из самого настоящего оружия. Плюс к тому - выстрелы орудий и взрывы снарядов и мин. И если стрельба из стрелкового оружия велась холостыми патронами, то имитацию взрывов обеспечивали взрывпакеты, которыми была просто напичкана вся охраняемая нами территория полигона. Конечно, взрывпакеты были заложены сапёрами заранее в те места, где при их подрыве не пострадают люди. Но и людей- то на это зрелище собрались тысячи. И эти тысячи прут туда, где, как им кажется, лучше будет видна панорама «боя». Вот чтобы не напоролись на взрывпакет, или не дай Бог гражданское любопытное лицо не возникло вдруг в эпицентре «боевых» событий, нас и поставили в оцепление по периметру зоны проводимой « реконструкции». Рассыпались мы по этой песчаной пустыне с чахлыми кустиками лозы так, чтобы был между группами визуальный контакт. Расставили нас на посты задолго до полудня, а само действие началось где-то в часа три дня. Бедные казаки! Кругом раскалённый песок и ни глотка воды. Укрыться бы в тени, да кустики лозы и краснотала сами сбросили лишнюю листву, чтобы меньше испарять жидкости и самовыжить. Эти лозы местные жители называют «рассадками». Это по той причине, что когда пески уже засыпали станицу, чтобы остановить их, казаки выходили семьями на общественные работы и высаживали на песках лозы, позже и сосняк. Другая древесная растительность на раскалённых песках не приживалась.

Вот в этих «рассадках» и несли дежурство мои друзья, пытаясь скрыться от палящего солнца в реденькой тени на протяжении пяти часов.

Мне же несказанно повезло. Командир дружины подъесаул Попов, очевидно делая упреждение на мой возраст, поручает мне пост на КПП. Через него по окончании совещания должны проследовать на «реконструкцию» высокопоставленные чины из Москвы, Губернатор Ростовской области Голубев Василий Юрьевич и наш Атаман Всевеликого войска Донского казачий генерал Гончаров Виктор Георгиевич. КПП – это практически

ворота в «бутафорский городок-станицу» со стороны дороги Вёшки –Еланская. Сам же городок заполнен, пока не началась «реконструкция», «действующими лицами»: кто-то их них в форме советского солдата, а кто- то в немецкой. На память фотографирую ребят и фотографируюсь сам: то возле немецкой пушки, то с девчонками-санитарками в ловко сидящих на них гимнастёрках, с сумками и красными крестами через плечо, то с пехотинцем вермахта в «мышиного» цвета мундире и кованых коротких сапогах.

Параллельно дороге выстроились фургоны с лошадьми. Возле лошадей копошатся казаки в шароварах с лампасами и шашками на боку. Конница! Одна из фигур конников показалась мне очень знакомой. Не павловский ли это атаман подъесаул Серёжа Дегтярёв? Подхожу ближе. Он! Обнимаемся. «Здорово ли был, Серёжа?! «Слава Богу!» – с улыбкой вторит мне Сергей. «А каким образом ты здесь?». «Да вот, был приказ участником конного перехода Волгоград - Севастополь в честь 70-летия Победы, прибыть на реконструкцию военных событий на Дону летом-осенью 1942 года. Нам поставлена задача конной сотней атаковать «неприятеля» и выбить его из этого хутора» - Сергей кивает в сторону «бутафорского городка» и КПП.

Едва успеваю сделать снимок «на память», как вдоль дороги доносится через рупор: «По коням!». Сотня в конном строю отбывает на разминку лошадей с последующей генеральной репетицией «казачьей лавы» с обнажёнными клинками.

(На снимке фрагмент «реконструкции» боя казачьей сотни с немецкими захватчиками).

Вскоре на КПП прибыл казачий полковник, первый Атаман возрождённого в 2000 году Верхне-Донского Округа Карташов Юрий Ильич. Юрий Ильич, умница, уважаемый на верхнем Дону казак. Является Членом Союза Писателей России, он автор многих публикаций на казачью тематику, и мы с ним дружим. У Ильича связи с казаками России и за рубежом. Его книги можно найти и в издательстве «Альбион» (Великобритания), где большая диаспора донских казаков, покинувших Родину в Гражданскую войну.

С появлением Карташова обстановка в «городке» и на КПП стала меняться: подвезли цистерну с питьевой водой, появились бордюры временного ограждения. «Начальство» всё ещё задерживалось, на небе ни облачка, а солнце раскалило, кажется, всё вокруг добела….

Не буду задерживать внимание читателей на событиях самой «реконструкции», а по её завершении на выступлениях Губернатора Ростовской области Голубева Василия Юрьевича и казачьего генерала

Атамана Всевеликого войска Донского Гончарова Виктора Григорьевича, на награждении участников конного перехода Волгоград – Севастополь, в честь воссоединения Крыма с Россией. Всё это, конечно, заслуживает отдельного разговора, но он уже будет явно не по теме событий, излагаемых на этих страницах. Но скажу, что прибыв в станицу и доложив о выполнении порученного задания, мои станичники выглядели уже не так браво, как утром. Сказалось многочасовое пребывание на солнцепёке, отсутствие питьевой воды и общая усталость. «Ничего, братья-казаки, - подбадривает всех подъесаул Володя Коновалов. - Бывало и похуже! Я вот вспоминаю 100-летие со дня рождения М.А. Шолохова, тогда в Вёшки на этот юбилей наш Президент В.В. Путин приезжал. Тогда гнуса было - просто тучи. Над станицей смог стоял от этой твари. Дышать невозможно было – лёгкие забивал. И хотя говорили, что его к приезду Президента гнус травили авиацией, но мы этого не ощутили. Мне тогда достался пост в кустах со стороны Дона держать. Еле живой остался, все глаза мне эта мошка выела тогда. И как Президент это выдержал?».

Дорога домой всегда в радость. И вновь гомон всех казаков, говорящих одновременно, заполняет салон «Газельки». «А что, братцы, где обедать будем?» - Звучит голос юртового старейшины Юрасова Александра Павловича. «Как где? Отсюда поедем через Казанку, так там, в Солонцах у криницы и откушаем, - вставляю в разговор и я своё слово. «Мудрое решение ехать отсюда через Казанку, Мешково и Верхняки. А там Журавка и наша родная М4», - раздаються со всех сторон одобрительные возгласы. «А что ж, фуражку пускать по кругу будем?» - Не унимается Коновалов. « Ну, так это святое дело!», - в один голос вторит ожившая публика. Фуражка, пущенная по салону, мгновенно наполняется купюрами. «А вот и магазин. Тормози! Я мигом!», - Коновалов исчезает в дверях продуктового микромаркета.

Пока его нет, у казачков приостыл пыл, и тогда все обратили внимание на поникшую фигуру Бондаренко Жени, сидящего на заднем сиденье и уткнувшегося носом в собственную грудь. « Женя, что с тобой? Тебе плохо?», - спрашивает сетраковский атаман Саша Абакумов. Женя поднимает глаза, наполненные болью: «Что-то хреново мне , казаки.»… Пауза растерянности, потом наперебой заговорили все сразу, высказывая возможные причины и версии такого состояния.

Мне же приходит мысль, что по такой жаре может резко упасть кровяное давление. Лезу в пакет, где у меня всегда с собой наручный тонометр и разного рода таблетки. (Да, приходится «медицину» всегда иметь при себе. Что поделаешь, шестьдесят восемь лет - не восемнадцать! И хотя в мае прошёл аттестацию и сдал нормативы строевой и физической подготовки, но гипертонию одолеть не удаётся.) «А ну-ка, Женя, давай померяем твоё давление», - с этими словами напяливаю ему на запястье томограф. «Ну, вот, понятно, что ты такой квёлый. Удивительно, что ты ещё при сознании. Верхний предел - ниже сотни. Это надо же так парня на солнцепёке держать!». Вспоминаю, что с утра в дорогу наливал в термос кофе. Открыв его, наполняю стаканчик напитком. Он ожигает мне пальцы. Вот это да! Или термос хорошо держит температуру, или за «бортом» она была такая же.

- А ну-ка , казак, попей-ка кофейку. Давление, глядишь-ка , и поднимется. Обжигаясь и дуя на поверхность жидкости, вахмистр прихлёбывает кофе.

А в автобус вваливается с огромным пластиковым пакетом, в котором позвякивает стекло, Коновалов. Поехали! Мелькают вновь за окном знакомые современные «курени» станицы Вёшенской, санаторные корпуса и перекрёсток с круговым движением, от которого мы берём курс на Казанку. Поглядываю на вахмистра Бондаренко, который уже оживился и вместе со всеми комментирует мелькающие за окнами «Газели» пейзажи сосняка, степи, покрытой выгоревшим ковылём, да километровыми столбами, отмечающими расстояние до станицы Казанской.

Так в разговорах, незаметно по времени, оказались у подъёма дороги, где, сделав поворот направо, подъехали к криничке. Бог ты мой! Да кто же на Верхнем Дону не знает Солонцовский родник! Я уже не говорю о местных жителях,которые облагородили его, поставили по обе стороны родника навесы от жары и дождя над столами и лавками для путников и любителей отдохнуть и испить благодатной водицы. А она воистину тут знатная! Не портится, сколько бы ни стояла. Проезжающие по шляху Казанка-Вёшки-Волгоград: будь то автомобилисты-частники, водители-«дальнебойщики» или паломники, едущие на «двухэтажных» автобусах в Серафимовический монастырь, - все, без исключения, останавливаются тут, чтобы утолить жажду, наполнить любую имеющуюся ёмкость и взять водичку с собой в дорогу. Наш Атаман Попов возил образцы этой воды на анализ в Ростов. Куда он возил её там, не ведаю, но, по его утверждению, там были восхищены составом этой водицы. Вот и сейчас, не успели мы сойти с автобуса и расположиться под навесом на обед, Попов уже собирает все свободные пластиковые ёмкости и наполняет их. Сколько помню, он всегда не упустит момент привести в посёлок литров 20-30 Солонцовской водицы. Да, в Чертково питьевая вода годится в употребление только в кипячёном виде.

Пока казаки занимаются сервировкой стола, для чего в общую кучу на его середину вываливается содержимое всех «тормозков», любуюсь родником. Сам ключ мощный, вода из него, образуя водоворот, сразу же идёт могучим ручьём в речушку Песковатку, она, оправдывая название своими песчаными берегами, несёт свои воды в Дон, до которого от родника буквально несколько километров. Сама Песковатка не глубокая, но со стремительным течением и песчаным дном, которое великолепно просматривается сквозь воду чистую, как слезинка. Так и хочется освежиться! Но даже в такую жару вода в Песковатке как в горной реке - долго не выдержишь. Сам же я люблю на Дону порыбачить и отдохнуть не на песчаной косе на хуторе Стоговском, где летом отдыхающих пруд пруди, а приезжать сюда, за Казанскую. Именно в это место, где Песковатка впадает в Дон. От мыслей о этом благодатном уголке Верхнедонского района меня отрывают голоса: «Алексеевич, ну, где же ты там? Мы уже стол накрыли!»…

Повеселевшие от обеда (считай целый день на ногах и практически ничего не ели) и слегка разомлевшие от чарочки-другой, братья казаки занимают насиженные места в автобусе. Вскоре уже видна вдалеке и станица, а справа от дороги - красивая, с любовью и изяществом построенная казанцами часовенка. Подъесаул Кравцов Сергей Дмитриевич, сам из родовых казаков хутора Верхняковского, офицер запаса, увидев часовенку, озадачивает всех вопросом: «А знаете, почему казанские казаки поставили её именно на этом месте?». Ясное дело, истории этой никто не знает, и

Дмитриевич тут же нам её поведал. Оказывается, в этом месте казаки-разбойники убили в древние ещё времена монахов-паломников. Хотели ограбить, да что за богатство может быть у странствующего монаха? Только души людские безвинно загубили. И вот на месте убийства на бывшем шляху, а теперь автотрассе, стали весьма часто, по непонятным причинам и прямо на ровном месте происходить разного рода аварии, катастрофы, и все со смертельным исходом. До той поры, пока не покаялись и не построили на месте убийства эту часовню и не освятили её. С тех пор, по поверью, аварии и прочие напасти на этом участке дороги прекратились - такое поверие в Казанке ходит.

Пока слушали эту легенду-быль, подъехали к развилке Шумилинка-Мешково. А далее поворот налево, там мост через Дон и прямая дорога до самой трассы М4 «Москва-Ростов». Увидев название «Шумилинка», вахмистр Юра Мычка вдруг напомнил: «Слушайте, братцы. Алексеевич нам так и не рассказал до конца о Верхне-Донском восстании. А оно, мне помнится, полыхнуло в Шумилинке. Ведь сколько раз мы были гостями в этой станице на ежегодных мероприятиях, посвящённых этому событию, и в музее станицы Казанской, где собраны все данные о его начале».

- О, да! Давай, Алексеевич, продолжай. А то мы здорово отвлеклись за день от этой темы, что чуть не запамятовали наш утренний разговор.

Немного подумав и поймав нить прерванного предыдущего разговора, начинаю: «Так что, братцы, наш Верхне -Донской округ дважды побывал во время Гражданской войны под большевиками. Первый раз при Атамане Краснове в тот период, когда Дон защищал с горсткой безусых казачат есаул Чернецов .Второй раз в декабре 1918 года, когда большевики, нарушив обещанное казакам перемирие, вероломно вторглись в Округ.

Ещё в первое своё пришествие на Верхний Дон , большевизм уже тогда показал свой «звериный оскал». По воспоминаниям уцелевших во время «красного террора» старожилов, складывалась такая картина: «Во время квартирования в станицах и хуторах красные солдаты держали себя нагло, немало причиняли неприятностей и притеснений, лучшие комнаты занимали солдатскими подсумками, котелками, консервными банками и прочим барахлом. А хозяев, независимо от количества членов семьи, сгоняли в одну комнату-стряпуху и приказывали «не пищать» и «не беспокоить красных солдат, защитников всемирного пролетариата». Всем известно, что в доме каждого казака – икона и лампада прежде всего. Ведь казак - Христов воин. И вот ленинские солдатики, наевшись до отвалу казачьего хлеба и развалившись на полу, брали винтовки и начинали заниматься стрельбой по иконам и лампадам… Лопались стёкла окон, со звоном падали иконы, пороховой дым и хохот красных солдат наполнял прежде чистую и светлую горницу казака».

«Да, братья» - вмешивается в разговор до сих пор молчавший «Гром» - сотник Громаков Владимир, который до работы в казачьей дружине преподавал историю в третьей казачьей школе посёлка: «Прости, что прервал тебя, Алексеевич, но добавлю такой ещё факт, до какого маразма в борьбе с православием доходили большевики. Они осенью 1918 года в городе Козлове (ныне Мичуринск) открыли памятник … Иуде. Тому самому, который продал Христа за 30 серебряных монет. Под звуки «Интернационала» на открытии Лев Троцкий говорил, что «мы сегодня

открываем первый в мире памятник человеку, понявшему, что христианство - лжерелигия» . Правда простоял тот памятник всего одну ночь, утром его нашли вдребезги разбитым».

«Да, интересную тему затронули, казаки, «царапнула» она меня здорово», - подаёт голос Женя Бондаренко, давно забывший о своей гипертонии. Вахмистр Бондаренко у нас - второе лицо после отца Димитрия, духовника нашего юрта. Всегда, когда нет возможности отцу Дмитрию присутствовать на совещаниях дружины или казачьем круге, Жене доверено читать молитву и благословлять начало работы. «Так вот, - добавляет он к уже сказанному: «Вы же помните, царствующий род Романовых называли «помазанниками Божьими». А всё дело в том, что ещё Пётр I упразднил институт Патриаршества на Руси, замкнув функцию церкви на себя. И по отречении Николая II от престола, 28 октября 1917 года было принято решение о восстановлении патриаршества. Уже в ноябре в Успенском соборе Кремля состоялась интронизация нового патриарха -митрополита Московского Тихона (Белавина). Так вот, патриарх Тихон на начало гонений ответил посланием от 19 января 1918 года, известном как «анафема» Советской власти. А ещё, забегая вперёд по логике обсуждаемых событий, не могу не сказать, что с именем Патриарха Тихона связана ещё одна история. В 1924 году, вскоре после смерти Ленина, на Красной площади прорвало канализацию. Потоки жидких фекалий залили тогдашний деревянный Мавзолей. Когда об этом рассказали Тихону, он пожал плечами: «По мощам и елей», -произнёс патриарх».

(На снимке установка и освящение поклонного креста в станице Еланской, где произошло первое сражение казаков с частями революционной Красной Армии.)

«Да, братья», - продолжаю я, восстанавливая логику разговора: «Но эти изуверства большевиков на Верхнем Дону оказались ещё «цветочками», лишь преддверие настоящего ужаса. Его казаки пожинали во второе пришествие красных в декабре 1918 года. Вот тогда- то Дон и оцепенел от ужаса. Заключив мирный договор, казаки разошлись по домам, но уже через три дня станицу Вёшенскую захватила 15-я Инзенская дивизия красных, солдаты которой начали проводить среди казаков дикую расправу. Стали увозить хлеб, угонять скот, убивать непокорных и производить насилие. И это - по отношению к казакам, которые по логике событий восстали против Атамана Краснова и открыли фронт Советским войскам, который переместился на линию Донца, а сам Верхне-Доской Округ оказался в тылу Красной Армии.

В конце зимы 1919 года Гражданская война на Донской земле приняла невиданно жёсткие формы. Борьба шла на полное истребление казаков.

Одним из первых документов - «зачатком последующего расказачивания» стала Директива Оргбюро ЦК РКП(б), руководимого Я.М. Свердловым, от 24 января 1918 года. С неё-то и начался «геноцид» казачьего народа. Согласно этой Директиве Советской власти на местах предписывалось провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Истребив и тех, кто принимал участие в борьбе с Советской властью, конфисковывать хлеб, скот, землю. Произвести полное разоружение, расстреливать каждого, у кого будет обнаружено оружие по истечении срока его сдачи.

Бесовская Директива ЦК большевиков стала сигналом к физическому истреблению коренного казачьего населения. При этом уничтожалось та его часть, которая составляла цвет нации южного порубежья России.

Из воспоминаний казаков, жителей хуторов и станиц Верхнего Дона открывается трагическая картина: «Каждую ночь отряд большевиков, расположенный в станицы Казанской, арестовывал новых казаков и сажал в комендантское управление. Оттуда уже никто не возвращался, всех расстреливали. Расстрелы проводились в поле за станицей, обыкновенно ночью. Арестованные сами себе рыли ямы. Ямы были не очень глубокими, и станичные собаки грызли трупы расстрелянных. Я, помню, нашёл в саду чью-то обглоданную руку».

Казнили офицеров-героев Первой мировой войны, атаманов, духовенство, представителей интеллигенции, имущих и работящих казаков. В «расход» шли даже старики, старухи, дети…Известен факт, как казачёнка мальчишку-«нахалёнка» посадили на кол за то, что он назвал солдат «краснопузыми». Расстреливали на глазах у всей станицы сразу по 30-40 человек, с издевательствами, раздевали догола. Над женщинами, прикрывавшими руками свою наготу, издевались и запрещали это делать. В одном из хуторов Вёшенской старому казаку за то только, что он в глаза обозвал коммунистов мародёрами, вырезав язык, прибили его гвоздями к подбородку и так водили по хутору, пока старик не умер. В станице Каргинской забрали 1000 девушек для рытья окопов. Все девушки были изнасилованы и, когда восставшие казаки подходили к станице, выгнаны вперёд окопов и расстреляны…. С одного из хуторов прибежала дочь священника со «свадьбы» своего отца, которого в церкви «венчали» с кобылой. После «венчания» была устроена попойка, на которой попа с попадьёй заставили плясать. В конце концов батюшка был зверски замучен… Важно вспомнить бессудную казнь в станице Мигулинской, когда 62 казака-старика были изрублены и исколоты штыками и сброшены с обрыва в Дон. Покраснела донская водица от алой крови безвинно убиенных, а стремнина его не могла уместить в своих берегах десятки трупов. ..В нашем Сетраковском юрту, по воспоминаниям атамана Титова А. и дяди Саши Белого, творилось то же самое. Тираспольский полк Красной Армии, в котором собрались в основном выпущенные из тюрем заключённые, высадился на станции Шептуховка, пешим ходом проследовал через Колодези, Ольховчик прямо на Сетраки. Это был первый казачий хутор на границе с «хохлами». И вот тут уже разыгрывается такая трагедия, какую казаки не видели со времён восстания Кондратия Булавина. Население Сетраков уничтожалось под корень. Убивали ради развлечения тех, кто хоть чем-то обратил на себя внимание. Женщин насиловали и затем убивали. Даже грудных детей в «зыбках» кололи штыками. Запрещено

было даже само слово «казак» и тем более ношение формы и лампасов. Приказали сдать оружие, в том числе и дедовские шашки и кинжалы. Кто не сдал - мгновенный расстрел. Чудом, в последнюю минуту, ушли намётом в сторону Казанки и Вёшек гонцы к восставшим с просьбой о помощи. Дорого, очень дорого обошлись «Тираспольцам» их изуверства в Сетраках. Лавой, вооружённые практически только пиками и шашками повстанцы напрочь разбили карательный отряд. Ну, а с тех пор сетраковцы не очень-то дружат с ольховчанами. Считают, что это они тогда привели карателей в хутор.

«Да, мы и сами это заметили на последнем кругу, когда мы решали вопрос о реставрации поклонного креста в память казаков, безвинно павших в Сетраках», - отозвались с задних сидений микроавтобуса - Тогда Серёжку Дегтярёва из Павловки и Женю Бондарева из Ольховчика сетраковский старейшина дядя Саша Белый отказался зарегистрировать в своём обществе. Да, сто лет прошло, а обиды ещё не забылись, настолько раны памяти ещё кровоточат, хотя и сменилось столько поколений!».

Да, с точки зрения обычной логики, кампания геноцида казачьего народа не укладывается в рамках рационального понимания. Расправа большевиков обрушилась на казаков, которые в принципе признали уже Советскую власть. Заключив перемирие и пропустив фронт Красной Армии до границ Северского Донца, верхнедонцы могли бы обеспечивать тыловое снабжение для красных частей, воюющих с Деникиным и Колчаком. А кто-то из казаков готов был и драться на стороне красных. Так за что же и по какой причине было решено на Оргбюро РКП(Б0 их истребить?

Конечно, при царизме стихийные мятежи крестьян и голодные бунты рабочих довольно легко подавлялись. Но казаки-то были прирождёнными и опытными воинами, привычными к спайке и умеющими быстро сорганизоваться. Но им надоела действительная служба, четыре года Германской войны, Гражданская война. И всё кровь и смерть, смерть и кровь! А жить-то хотелось мирной жизнью, растить детей и внуков… Но их терпения хватило на месяц, пока они не поняли, что их на самом деле намериваются извести под корень. Не было ни одного хутора и станицы, которые бы не считали жертвы красного террора десятками и сотнями. Дон онемел от ужаса!

Первыми начали казаки хутора Шумилина (Казанской станицы). В ночь на 11марта 1919 года напали на спящий карательный отряд, расположенный в этом же хуторе. Истребив его, с присоединившимися казаками в конном строю помчались на Казанскую, уничтожая по пути красных. Под покровом ночи, окружив станицу, разбили солдат карательного отряда при 10-и штыках о 20-и пулемётах. А в Еланской, когда 20 местных коммунистов поехали арестовывать казаков, поднялся Красноярский хутор. Прорвалось накопившееся. Вначале восстали пять станиц: Казанская, Еланская, Вёшенская, Мигулинская и Шумилинская. Хутора сами формировали сотни, выбирали на сходе командиров из самых боевых казаков. И восстание разливалось всё шире и шире: поднялись Мешковская и Усть-Хопёрская станицы. Начались брожения в соседних Усть-Медведецком и Хопёрском округах. «Столицей» восстания стала окружная станица Вёшенская. Возглавил мятежный Верхний Дон хорунжий Павел Кудинов, Георгиевский кавалер всех четырёх степеней. Уже 20-го марта Вёшенский полк, разбив

посланный на его подавление карательный отряд, взял 7 орудий, 13 пулемётов и занял Каргинскую, а на другой день, изрубив одними шашками ещё один отряд – Боковскую. Область восстания протянулась на 190 километров. Силы повстанцев были разделены Доном на две действующие группы: в первую входили 1-ая конная дивизия хорунжего Евлампия Ермакова (прообраз Григория Мелихова в «Тихом Доне» Михаила Шолохова),2-я конная дивизия сотника Меркулова и 1-я конная бригада подхорунжего Богатырёва; во вторую, на другом берегу Дона - 3-я конная дивизия есаула Егорова, 4-я конная дивизия подхорунжего Медведева и 5-я конная дивизия хорунжего Ушакова.

И только тогда красные стали снимать с фронта регулярные полки, обкладывая восставших со всех сторон. Сражались повстанцы отчаянно. Не хватало даже винтовок – их добывали в бою. Дрались холодным оружием, дедовскими шашками и пиками. Не было боеприпасов. Картечь для орудий отливали из оловянной посуды. При захвате повстанцами станицы Вёшенской, на складах 15-ой Инзенской дивизии Красной Армии, были найдены 5 миллионов учебных холостых патронов. Их вручную переделывали в боевые, переплавляя на пули свинцовые решета веялок. Такие пули без сердечника и оболочки размягчались от выстрела, с сильным жужжанием летели недалеко и неточно, но при попадании наносили страшные рваные раны. Стаканы снарядов для картечи вытачивали из дуба. Даже для имитации пулемётной стрельбы делали специальные трещотки. Конечно, рано или поздно, восстание было обречено на гибель. П.Н.Краснов, в эмиграции, в своей книге «Всевеликое войско Донское» отмечал: «Вся Россия шла на Дон. Вся Россия шла уничтожать казаков и мстить им за 1905 год. И страшно становилось казакам. Как же они будут одни против всей России?».

И когда пришла пора трезво оценить обстановку, повстанцы обратились к белым. Делегация на лодках пробралась через расположения большевиков в Новочеркасск с мольбой о помощи. Казаки просили прислать оружие, табаку, спичек.

Вот теперь-то, братья казаки, и готов ответ на поставленный вопрос в начале нашего пути. Куда же так пристально смотрит казак на коне, отлитый в памятнике на границе Вёшенского и Боковского районов? Конечно, на юг! Туда, где находится столица Донского казачества – Новочеркасск ! Смотрит туда, откуда должна прийти к восставшему Верхнему Дону помощь!

Но пока единственно, чем могли помочь Донская и Добровольческая армии, – это мешать красным снимать с фронта войска на подавление восстания, так как самим вооружённым силам Юга России приходилось туго. 1-го июня 1919 года командующему повстанческой армией Кудинову пришло письмо: «На ваш фронт переброшена целиком 9-я Красная Армия. Вы накануне гибели, сдавайтесь пока не поздно…», - командир штаба 9-ой Армии Бухарцев. Хорунжий Кудинов написал в ответ крупными буквами по всему листу: «Казаки не сдаются!».

И славные верхнедонцы не сдавались. В ряды бойцов становились подростки, женщины и девушки, переодеваясь в форму погибших братьев и мужей. Никто не хотел умирать, но никто не хотел сдаваться большевикам. И эти усилия возымели успех. Для подавления восстания с Южного фронта пришлось снять крупные силы – до двух дивизий пехоты и до дивизии

кавалерии, что сказалось на положении красных. Белогвардейское же командование, наоборот, использовало восстание в тылу южного фронта большевиков для перехода в наступление в мае 1919 года. А белоказачья конница генерала Секретова начала рейд в район восстания. 6-го июня 1919 года повстанцы, уже находившиеся на грани поражения, соединились с белой Донской армией. Белые газеты написали по этому поводу: «Мы читали о громадных крестьянских восстаниях Тамбовской губернии – однако они все задавлены, и только восстание верхне-донцев из всех русских восстаний увенчалось успехом».

Доподлинные размеры Верхне-Донского восстания оценены только сейчас, историками той войны… На самом деле повстанцев было 30000 – 35000 , вооружение состояло из 25 орудий и около ста пулемётов и по числу бойцов почти полное количество винтовок. Восстание не было подавлено, как хотели бы считать советские историки, в мае на правом берегу Дона… На самом деле вооружённые повстанческие силы и всё население отступили на левую сторону Дона. Там над Доном на протяжении двухсот вёрст были прорыты траншеи, в которых засели повстанцы, оборонявшиеся в течение двух недель до так называемого Секретовского прорыва и соединения с основными силами Донской Армии.

Так закончилось восстание в Верхне -Донском округе. Потомков казаков-повстанцев не только разметало по свету. Живут они и в наших хуторах и станицах, слободах и посёлках необъятной России, причём среди тех, кто так мало знает о недавнем прошлом своей малой Родины. Слишком страшным по своей кровавости и беспощадности было время первой волны расказачивания. «Царство Небесное павшим соратникам, бодрость и крепость духа живым!», - такими словами оканчивает свои воспоминания о Верхне – Донском восстании его руководитель П.Кудинов.

(Казаки Сетраковского юрта по окончанию молебна по безвинно убиенным казакам в храме Архангела Гавриила с.Алексеево-Лозовское)

Ну, что вам тут сказать. «Стыдливо отводят в сторону глаза сейчас те, кто ратовал за коммунизм. Как огня боятся даже упоминания слова «геноцид». А цифры вещь упрямая. Даже сквозь столетие они говорят, что кровопролитной Первой Мировой войнае казаки потеряли 10000 личного состава. К октябрю 1917 года в Области Войска Донского жили 5,3 миллиона человек. Из них 42,3 % казаки, то есть 2,23 миллиона. В Гражданскую же войну потери среди Донских казаков составили 250000 человек мужского, в расцвете сил, населения. А это каждый третий мужчина. Не считая детей и стариков, выбили на Дону практически всех. Вот и порассуждайте, был ли геноцид со стороны Советской власти по отношению к казачеству или

его не было.

В феврале 1919 году Атаман П.Н. Краснов подаёт в отставку, и Дон выбирает нового и последнего Атамана. Им стал Африкан Петрович Богаевский, который был более лоялен к белому движению. При Африкане Богаевском донские казаки в составе белых армий предприняли поход на Москву, который закончился неудачей. Люди продолжали убивать друг друга. Всевеликое Войско Донское прекратило своё существование осенью 1920 года, пережив новороссийскую катастрофу и эмиграцию. Дон осиротел и больше уже не поднялся. Время атаманов на Дону и в других казачьих землях закончилось...». Завершаю свой рассказ и только теперь обращаю внимание на то, как внимательны глаза слушателей, сопереживающих те давние события так, как будто они сами их участники и происходит это не 100 лет назад, а сейчас. Несколько минут в автобусе стоит тишина. Никто не произносит ни слова, «переваривая» услышанное.

А за окнами «Газели» уже просматривается вышка Алексеево-Лозовского ретранслятора. Мы не заметили, что давно под Нагибиным выскочили на трассу М4 , и вот уже перекрёсток на Чертково. В Алексеево-Лозовке нас оставляют Коновалов Владимир, Полтавский Владимир и Абакумов Александр. Казачкам теперь добираться кому до Лозовки, кому до Сетраков. На прощание обнимаемся, желаем Ангела-хранителя в дорогу, а нам теперь дорога прямая – домой! От перекрёстка разговор сначала не вяжется. Но видимо уж очень «больная» была затронута тема. Медленно, начали её продолжать, но в проекции на настоящее время.

Первым повёл разговор подъесаул Кравцов С.Д., коренной казак: «Сейчас практически в каждом хуторе и каждой станице в память о тех кровавых событиях установлены поклонные кресты. Помните, когда едем со стороны Мигулинки на хутор Стоговой, где великолепная песчаная коса на Дону и любимое место для отдыхающих. Так там прямо на крутом изгибе Дона, где отвесный обрыв сдерживает его течение, казаки установили многометровый поклонный крест. Именно с этого обрыва большевики сбрасывали в реку исколотые штыками и изрубленные тела безвинно погибших мигулинцев. Всего, старики говорят, загублено было около четырёх сотен человек».

Да, Сергей Дмитриевич, нам довелось и самим стать участниками установки и освящения поклонных крестов в станице Еланской, где впервые на Дону сошлись в рубке казаки и красноармейцы. И в Советке, когда там собирали казачьи дружины нашего Округа. А в Каргинской в центре станицы установили памятник в виде мельничного жернова. Мол, время лучший лекарь, все пройдёт и перемелется, всё забудется и сгладится. Да ведь нет же, не забывается и не сглаживается.

(Памятник в станице Каргинской казакам, которые отстаивали свои убеждения, находясь по разные стороны баррикад .)

Теперь на Украине брат идёт на брата,

отец на сына. Да не нам ли это знать! Живём в Чертково, а там железная дорога - и граница! И полыхает теперь гражданская война в нескольких сотнях метров от нашего посёлка. Ничего в этом мире не меняется, когда же поумнеем? Ведь ангел, с пеной у рта доказывающий свою правоту, – это уже дьявол. А когда дьявол разжигает гражданскую войну, то в ней уже гибнут не люди, а души.

(Станция Чертково. Вид с железнодорожного перехода. Справа от железной дороги Россия, слева Украина.)

Взять опять-таки наших соседей на Украине. Там столько народу, столько кровей перемешалось. А вот «чистых хохлов» там не более четверти от общей массы. Вот эта-то нечисть и мутит воду. Они ещё при Богдане Хмельницком в сторону Запада смотрели. Вспомните Переяславскую Раду, когда благоразумие взяло верх, и решил Украина жить в составе с Россией. Теперь спустя более трёх сотен лет, опять «хохлы» за своё: «Украина – це Европа». Да, братья, казаки, даже сам уважаемый у них Кобзарь Тарас Шевченко в своё время о них же самих такое написал:

« Хохол останется хохлом,
Хоть ты его пусти в Европу.
Где надо действовать умом, -
Он напрягает только ж....
И потому-то на Руси
Завещано аж Мономахом:
«Связаться Боже упаси,
С тремя: жидом, хохлом и ляхом!
Коварен жид, хотя и слеп;
Кичливый лях похуже бл…ди;
Хохол же съест с тобою хлеб
И тут же в суп тебе нагадит…».

(Первое полное издание собраний сочинений Т.Г. Шевченко издательством А.М.Ротемберга г.Катеринослав 1914 гг. стр.701. Автор)

Читая эти строки, не веришь, что они написаны более ста пятидесяти лет назад, а не в настоящее время. Настолько всё актуально к сегодняшним событиям на Украине. Да, нас было три сестры: Россия, Белоруссия и Украина. Одна из них стала, по образному выражению нашего Президента Путина В.В., «девушкой с низкой социальной ответственностью» и продалась за доллары. А теперь там творится то, что мы пережили в Гражданскую войну. Вот характерный пример. В Одессе собралась семья

по поводу дня рождения сына. За столом, разгорячённые спиртным, не сошлись во мнениях о политике Порошенко и Путина именинник и его отец. Всё в итоге закончилось дракой с поножовщиной, и отец убил сына. Как тут не вспомнить гоголевского Тараса Бульбу с его бессмертной фразой: «Я тебя породил, я тебя и убью!». Господи, да сколько же можно наступать на одни и те же грабли!? Хорошо, что у нас в России Владимир Владимирович прекратил вспыхнувшую при Ельцине Гражданскую войну в Чечне. Ведь хватило же благоразумия! А то ведь чем отличаются большевики на Дону, объявившие геноцид казачеству в 1919 году, от тех же нацбатальонов на Украине типа «Айдара», «Азова» или же «Донбаса»? Ничем. Те же казни, пытки, гонение на церковь Московского Патриархата – всё как в зеркале истории повторяется точь в точь.

Возможно, казаки и продолжали бы этот разговор и далее, но микроавтобус, показав поворотником правый поворот, останавливается на «пятачке» у кафе «Магнолия» моего родного села Маньково-Калитвенское. Прощаюсь и покидая автобус, слышу уже вслед тёплые слова прощания моих ставших давно родными братьев-казаков. Ну, что тут скажешь – односумы!

С «пятачка» иду домой знакомой центральной улицей. Купола Свято-Троицкого храма, гордости маньковцев и памятника архитектуры, давно ждущего своей реставрации, трогают лучи уже уходящего за горизонт солнца. В голову приходят мысли: «Какой же сегодня был насыщенный день! В нём как в капле воды отразилась целая эпоха!».

P.S.
Из Интернета.

Таким образом, масштабное осуществление террористической политики расказачивания в годы гражданской войны и реализация курса на скрытое расказачивание в последующие периоды советской истории привели к очень большим негативным изменениям во всех областях жизни казачества, серьёзно сказались на трансформации его самосознания, менталитета, основополагающих мировоззренческих принципов, традиционных морально-нравственных представлениях, культурно-бытовых особенностей и хозяйственного уклада. Развитию казачества как субэтнической этносоциальной общности был нанесён страшный, во многом не восполнимый урон. Серьёзнейшие отрицательные последствия самым непосредственным образом сказались на всех без исключения элементах традиционной культуры казачества. А это привело к утрате многих базовых понятий, принципов, структур и явлений, определявших его сущностное содержание. И как следствие всего этого — изменение самой сущности, внутреннего и внешнего облика казачества как уникального явления этнической и социальной российской и мировой истории.